

Изъ недавняго прошлаго.

(Бытовые очерки).

Моя мать.

амое выдающееся мѣсто въ моихъ первыхъ воспоминаніяхъ принадлежитъ моей матери. Это была, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ ее, чрезвычайно самобытная и крупная личность; память о ней жива во всѣхъ, встрѣчавшихся съ нею людяхъ.

Живо представляю ее себѣ, какую знала я ее во время моего дѣтства: маленькая, подвижная старушка съ крупными, южно-славянскими чертами лица, большой носъ съ горбинкой; сѣрые глаза красиваго овала, прямо и свѣтло глядѣвшіе на собесѣдника; густые, темные волоса, гладко спускавшіеся на уши и образующіе на затылкѣ огромный узелъ. Одѣвалась она болѣе, чѣмъ просто, даже нѣсколько небрежно, и никакихъ модъ не признавала. Движенія ея были живы и порывисты, лишены всякой аффектаціи и вычурности. Что-то прямое, правдивое было въ ея обращеніи; иногда оно было не лишено нѣкоторой рѣзкости, которая проистекала отъ большой живости характера.

Священный огонь фантазіи жилъ въ ея душѣ до поздней старости и свѣтился во всемъ ея существѣ; въ этомъ состояло все обаяніе ея личности; оттого она, сама оставаясь вѣчно юною, могла сочувствовать молодежи, понимала чуткой, теплой душою увлеченія молодости и откликалась на ея порывы.

Она пользовалась любовью и довѣріемъ молодежи и имѣла на нее сильное вліяніе. Помню я, какъ во время первыхъ университетскихъ смуть къ намъ въ деревню прислали двухъ увлекаю-

щихся юнцовъ; мать моя горячо съ ними бесѣдовала, убѣждала, успокаивала ихъ и потомъ нѣсколько лѣтъ оставалась съ ними въ перепискѣ.

Впослѣдствіи, будучи въ городѣ, она сблизилась съ ихъ семьями, а когда одинъ изъ нихъ заболѣлъ и умеръ, она ѣздила къ матери его, и онѣ вмѣстѣ оплакивали его. Да, сочувствовать чужому горю—это она умѣла, какъ никто другой. Ея прекрасные глаза наполнялись слезами, она забывала свое собственное я и вся поглощалась чужими страданіями.

Но и юморъ и веселость не были ей чужды, и подчасъ она умѣла отъ души смѣяться и шутить.

Чувство красоты лежало въ основѣ ея души. Особенно близка была ей красота природы: горы, зелень лѣсовъ приводили ее въ восторгъ; она писала масляными красками, исключительно, пейзажи.

Растенія и цвѣты пользовались ея особеннымъ вниманіемъ. Она любила сама работать въ саду, не гнушаясь никакой работой, сама копала землю, полела и поливала свои любимыя грядки, холила каждый отдѣльный цвѣтокъ, влагая въ него какъ бы живую душу.

И животныхъ любила она, особенно лошадей и собакъ. У нея много лѣтъ былъ сетерь-гордонъ, который съ ней никогда не разставался, читалъ ея волю въ ея глазахъ и съ которымъ она вела цѣлыя бесѣды; когда онъ околѣлъ, она его оплакивала, какъ друга, и долго тосковала по немъ.

Такъ ея богатая фантазія одухотворяла все окружающее. Эта яркость чувства, это богатство воображенія составляли прелесть ея личности; но то же качество становилось иногда недостаткомъ, дѣлая ее страстной и несправедливой.

Чудная черта ея характера была любовь къ правдѣ. Несмотря на ея выдающіяся умственные и душевные качества, она всегда готова была съ трогательнымъ смиреніемъ признать свою вину и просить прощеніе все равно у кого бы то ни было, у своихъ дѣтей, у прислуги.

Къ своей прислугѣ она относилась очень душевно, входила въ ихъ семейныя дѣла, совѣтовала, помогала, защищала обиженныхъ. Отъ насъ требовала, чтобъ мы всегда были учтивы и предупредительны съ служащими намъ и не обременяли ихъ ненужными требованіями.

Она любила человѣчество съ тѣмъ пламеннымъ, мечтательнымъ идеализмомъ, который вырабатывался тогдашнимъ направленіемъ. Достоинство человѣка, его нравственное право на помощь и сочув-

ствіе своего болѣе счастливаго собрата, теплое участіе къ слабымъ и обездоленнымъ — были у ней ни на однихъ словахъ, а выливались въ ея жизни въ цѣлый рядъ челоѣколюбивыхъ дѣлъ. Вообще она никогда не останавливалась на голословныхъ растабарываніяхъ, какъ это такъ часто встрѣчается у восторженныхъ и мечтательныхъ людей. Признавъ что-либо за истину, она смѣло и рѣшительно осуществляла свои убѣжденія въ жизни, хотя бы въ ущербъ своимъ личнымъ интересамъ.

Она прекрасно говорила и писала по-французски. Это былъ обычай дѣдовскихъ временъ. Ея современники не умѣли изъясняться правильно на родномъ языкѣ.

Мнѣ не разъ приходилось писать русскія письма за моихъ тетокъ. Но она опередила свой вѣкъ и бойко владѣла русскимъ словомъ и письмомъ¹⁾. Она очень интересовалась литературой, знала наизусть Грибоѣдова, Пушкина и Лермонтова, читывала и Герцена и, будучи за границей, выписывала „Колоколъ“. Мой отецъ, будучи женихомъ, своей рукой списалъ всего Демона, тогда запрещеннаго цензурой, и подарилъ его своей невѣстѣ въ переплетѣ изъ фіолетоваго бархата. Помню изъ своего дѣтства, какъ мать часто цитировала цѣлыя сцены оттуда.

Знала она даже много анекдотовъ изъ частной жизни обояхъ поэтовъ, тогда современныхъ, и даже товарищей ея братьевъ и знакомыхъ. Сужденія ея о литературѣ имѣли много самобытнаго; никакихъ критиковъ она не признавала и судила только по своему индивидуальному чувству, страстному, часто одностороннему, но всегда созданному своимъ собственнымъ мышленіемъ.

Новое теченіе ей было совершенно непонятно и несимпатично. Реалистическое направленіе должно было ей остаться чуждымъ и по ея воспитанію и по складу ея ума. „Война и миръ“ вызывало въ ней только негодованіе; ей чудилось въ немъ униженіе любимыхъ національныхъ героевъ и высокаго народнаго эпоса, эпохи самопожертвованія и беззавѣтной любви къ родинѣ. Не говорю уже о Достоевскомъ. Онъ казался ей чѣмъ-то ужаснымъ и безнравственнымъ, и я долго не смѣла взять въ руки его сочиненій подъ впечатлѣніемъ ея взгляда на этого писателя, ставшаго позже моимъ учителемъ жизни.

Любимый предметъ ея чтенія была исторія, преимущественно отечественная. Любовь къ родинѣ, страстная, мечтательная, была самымъ сильнымъ ея чувствомъ и осталась таковымъ до конца, проявляясь даже въ послѣднемъ бредѣ умирающей.

¹⁾ Хотя о русской грамматикѣ не имѣла ни малѣйшаго понятія.

Отечественные герои: Суворовъ, Александръ I, Кутузовъ ее увлекали. Она съ волненіемъ и восторгомъ читала намъ Отечественную войну Данилевскаго, Восточную войну Богдановича, Царствование Александра I Шильдера; она копила деньги и отказывала себѣ во всемъ, чтобъ приобрѣсти эти дорогія изданія, часто повторяя, что они должны быть въ каждомъ русскомъ домѣ, и настойчиво приглашала и внуковъ своихъ къ изученію родной старины.

Подлѣ отечественной ее особенно интересовала французская исторія, преимущественно время революціи.

Она читала Тьера, Зибея, Тэна, охотно сравнивала французскую революцію съ англійской, встрѣчая какія-нибудь черты схожія съ нашимъ направленіемъ, качала головою и съ горемъ повторяла: Боже, Боже, какъ это похоже на то, что дѣлается у насъ.

Любила она рассказывать о времени Севастопольской кампаніи, о подъемѣ духа, охватившаго общество, о глубокомъ горѣ и уныніи при нашихъ пораженіяхъ, о геройской готовности умирать за родину; рассказывала объ Императорѣ Николаѣ, котораго рыцарскій характеръ исполнялъ ее восхищенія; рассказывала, какъ онъ цѣлыми часами ходилъ взадъ и впередъ по своему кабинету, ожидая курьера, или простаивалъ на молитвѣ, тоскливо ожидая вѣстей. А тогда вѣсти доходили до Петербурга не такъ, какъ теперь: курьеръ въ телѣгѣ скакалъ изъ Крыма восемь дней, не отдыхая нигдѣ, останавливаясь только, чтобы перепречь лошадей. Такъ мой дядя пріѣхалъ послѣ сраженія при Альмѣ и за эту форсированную поѣздку поплатился здоровьемъ всей жизни.

— И вотъ, говорила она, однажды докладываютъ Государю курьера. Была уже ночь.—Ввести,—приказываетъ Государь.—Ну, что?—трепетно спрашиваетъ онъ вошедшаго. „Побѣда, Ваше Величество!“ говоритъ на этотъ разъ курьеръ, и, рыдая, падаетъ Государь въ прахъ предъ иконой.

На этомъ мѣстѣ старушка каждый разъ заливалась слезами.

Рассказывала она о смерти Николая I, угасшаго отъ глубокой тоски; была она у гроба, поклонилась его царственнымъ останкамъ. Вообще, къ Царской семьѣ питала она чувство горячей привязанности. Отецъ ея, братья служили своимъ Государямъ и всѣ искренно были преданы своимъ Монархамъ. Съ любовью отзывалась она объ ихъ искренности, гуманности, любви къ Россіи. Особенно тепло относилась она къ Императору Александру III. Ея братъ былъ его воспитателемъ, она знала его лично и охотно, съ жаромъ говорила о его высокихъ нравственныхъ качествахъ, о его простотѣ, строгомъ исполненіи обязанности и чудной семейной жизни. Говорила она такъ же краснорѣчиво, какъ писала. Слогъ ея имѣлъ

часто нѣчто патетическое. Много тогда читали романовъ: выражались часто очень вычурно, и общая манера была не лишена шаржировки; но моя мать обладала такой яркой фантазіей и такимъ сильнымъ чувствомъ, что у ней паѳосъ былъ совершенно натуральнымъ, смягчался даже иногда веселымъ, шаловливымъ юморомъ, и рѣже другихъ впадалъ въ слащавую сантиментальность.

Она была очень религіозна, но не очень точно придерживалась православія, обряды котораго подвергала нерѣдко критикѣ. Часть ея семьи была протестантская, да и будучи за границей, она часто съ удовольствіемъ слушала протестантскихъ проповѣдниковъ, а потомъ приобрѣла ихъ сочиненія и перечитывала ихъ. Когда мы живали подолгу въ деревнѣ, гдѣ церковь была за двѣнадцать верстъ, она по воскреснымъ днямъ читала съ нами Евангеліе и какую-нибудь изъ этихъ проповѣдей, преимущественно французскихъ, такъ какъ нѣмецкимъ языкомъ владѣла плохо. Живя въ городѣ, она любила ходить въ церковь православную, любила пасхальную заутреню, крестопоклонную всеобщую и великопостныя службы.

И откуда почерпнула она богатство мысли и теплоту чувствъ? Какія обстоятельства благопріятствовали развитію этой многосторонней натуры? Когда узнаешь ея дѣтство и молодость и видишь, какъ мало способствовали условія къ ея развитію, только диву даешься и спрашиваешь себя: откуда у ней это?

Ея дѣтство и молодость.

Она происходила изъ древняго дворянскаго рода, вышедшаго нѣкогда изъ Сербіи; отъ этого и южный типъ, сказывающійся въ орлиномъ носѣ и крупныхъ чертахъ лица. Отецъ ея былъ чѣмъ-то при дворѣ Екатерины и Александра I. Во всякомъ случаѣ, онъ участвовалъ въ русскомъ посольствѣ при дворѣ несчастнаго Людовика XVI. Еще теперь въ семьѣ хранятся крупные аметисты чудной воды, которыми украшенъ былъ его парадный кафтанъ при этомъ случаѣ. Воспитанъ онъ былъ какимъ-то французскимъ аббатомъ; человекъ онъ былъ чрезвычайно одаренный, мистикъ и даже массонъ. Въ складѣ ума, эксцентричности, страстности моя мать очень походила на него. Вторая его жена, моя бабушка, была иностранка, воспитанная въ Россіи. Она получила тщательное образованіе и сама много занималась воспитаніемъ своихъ многочисленныхъ дѣтей; но мужъ, нѣжно любившій ее, требовалъ ея присутствія и участія въ дѣлахъ, такъ что она должна была много предоставлять ихъ нянькамъ и гувернанткамъ, которыхъ, по обычаю

того времени, было много. „Мои бѣдныя дѣти, пишетъ она, слишкомъ предоставлены прислугѣ, но мужъ мой постоянно нуждается въ моей помощи“.

Кругъ знакомыхъ и друзей ихъ составляли тѣсный кружокъ, собиравшійся разъ въ недѣлю, съ цѣлью обсужденія разныхъ умственныхъ и нравственныхъ вопросовъ. Тема задавалась кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ, и къ слѣдующему разу каждый изъ членовъ кружка приносилъ письменный отвѣтъ. Все это, конечно, велось и устно, и письменно на французскомъ языкѣ, который тогда составлялъ языкъ образованнаго общества. Вопросы ставились очень разнообразныя и вытекали, очевидно, изъ переживаемаго.

Вотъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ заданныхъ темъ:

Какъ легче узнать человѣка: въ обыденной ли жизни или въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ? Какая ваша любимая наука? Какъ можно легче всего достигъ счастья? Кто надежнѣе въ добродѣтели: тотъ ли, который никогда отъ нея не отступалъ, или тотъ, который вновь къ ней обращается? Какой недостатокъ тяжелѣе всего переносить въ человѣкѣ? Какими качествами должна обладать женщина?

Послѣ 12-го года начало всплывать въ русскомъ обществѣ желаніе говорить и писать на родномъ языкѣ, хотя для многихъ это представляло почти непреодолимую трудность. Этотъ вопросъ былъ поднятъ и на литературныхъ вечерахъ моего дѣда. Кто-то предложилъ писать по-русски. Образчики и французскихъ и русскихъ сочиненій сохранились по сіе время. Прилагаю нѣкоторыя изъ нихъ въ концѣ моихъ записокъ.

И отецъ, и мать оба занимались первымъ обученіемъ своихъ дѣтей, при чемъ мать занималась преимущественно старшими дочерьми, отецъ же училъ маленькихъ русской грамотѣ и ариѳметикѣ. Въ методѣ обученія обоихъ родителей сказывается ихъ индивидуальный характеръ и особенности національности. Отецъ, пылкій и нетерпѣливый, за прилежаніе и успѣхъ давалъ шоколадныя лепешки, за невниманіе и лѣнь—щелчка. Мать обучала терпѣливо и систематично, безъ лепешекъ и безъ подзатыльниковъ. Дѣти спорили между собою, у кого лучше учиться: у папеньки, или у маменьки. Вообще же, дѣти относились съ глубочайшимъ, безусловнымъ почтеніемъ къ родителямъ, не допуская ни малѣйшей критики ихъ дѣйствій или сужденій. И впоследствии, какъ мать моя, такъ и ея сестры и братья, вспоминали родителей съ благоговѣніемъ, сохраняя, какъ святыню, малѣйшую вещь, имъ принадлежащую.

Несмотря на то, что отецъ былъ человѣкъ богатый, камергеръ

при Императорскомъ Дворѣ, простота, въ которой они воспитывали свою многочисленную семью, представляетъ контрастъ съ нынѣшними нравами.

Дѣвочки ходили въ ситцевыхъ или кисейныхъ платьяхъ, которыя шились съ большимъ „запасомъ“ и переходили отъ одной къ другой, иногда къ третьей, несмотря на то, что давно полиняло, такъ что выпущенный „запасъ“ оказывался совершенно другого цвѣта, чѣмъ остальное платье. Такъ, существовало и впоследствии жило въ воспоминаніи извѣстное платье съ огромными зелеными узорами, „платье съ огурцами“, которое перешло къ моей матери, какъ четвертой, и ожидалось младшими съ вожделѣніемъ.

Столъ тоже отличался простотой и обиліемъ. Прислуга была своя, крѣпостная; людей было множество; всѣ они были очень дурно одѣты, были грязны и лѣнны и не имѣли понятія о работѣ.

На лѣто вся семья перекочевывала въ деревню, отстоявшую отъ Петербурга на сто верстъ. Туда посылали впередъ цѣлый караванъ подводъ: поваръ и его помощники, посуда, бѣлье — все тащилось туда. Семью перевозили въ нѣсколькихъ каретахъ; въ первой сидѣли папенька съ маменькой и старшей, любимой дочерью; потомъ дѣвочки со своей гувернанткой, мальчики съ учителемъ, дѣти съ нянькой и кормилицей.

По дорогѣ кормили лошадей, отдыхали и къ вечеру приѣзжали въ свое родное любимое гнѣздо.

Жизнь въ деревнѣ представлялась дѣтямъ какимъ-то раемъ и еще въ старости вспоминалась съ восторгомъ.

Отецъ, строгій и неприступный въ городѣ, отдавался тутъ семейной жизни. Устраивались катанья на длинныхъ линейкахъ на сѣнокосъ, за грибами. Послѣ обѣда отецъ водилъ дѣтей въ грунтовой сарай, гдѣ имъ позволялось наѣдаться вдоволь, только подъ условіемъ, чтобы не уносить съ собой. По вечерамъ отецъ затѣивалъ общія игры въ огромномъ залѣ и принималъ въ нихъ участіе. 1-го августа, въ день престольнаго праздника, вся семья, даже мать-протестантка, ѣхала къ обѣднѣ, а потомъ отправлялась на пироги къ сельскому священнику, гдѣ ихъ угощали чаемъ и медомъ съ огурцами. Мать моя любила рассказывать при этомъ анекдотъ о своемъ любимомъ братѣ, рѣзвомъ шалунѣ Васѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ этого дня, чтобы угоститься огурцами съ медомъ. И вотъ однажды, когда они сидѣли у батюшки, не подали за чаемъ ни того, ни другого. Подождавъ напрасно, Вася скромно спросилъ: „Батюшка, что ваши пчелки, какъ поживаютъ, хорошо ли работаютъ?“ — Благодарить Бога, отлично, — отвѣчалъ священникъ. „А огорокъ вашъ удался ли, много ли у васъ уродилось огурчиковъ?“ —

продолжалъ маленькій дипломатъ. — О, да, много! Мать-попадья, вели подать дорогимъ гостямъ меду и огурцовъ, — сказалъ батюшка, Отецъ строго посмотрѣлъ на Васю. — За то, что ты посмѣлъ спросить, — сказалъ онъ ему тихо, — ты не получишь ни того, ни другого. — И Вася, опустивъ глаза, долженъ былъ отказаться отъ желаннаго угощенія и терпѣть Тantalовы мученія, при видѣ удовольствія, съ какимъ другія дѣти уписывали любимое лакомство.

Въ этомъ вольномъ, счастливомъ житиѣ въ деревнѣ было, очевидно, положено начало любви моей матери къ деревенской жизни. Но недолго длились эти безоблачные дни дѣтства. Умерла заботливая, высокообразованная мать, отецъ женился на другой, и началось сиротское существованіе дѣтей подъ властью француженки, *m-elle de Bugenne*, которая тиранила ихъ, наказывала сурово и ничему не могла обучить, кромѣ французскаго языка. Когда матери моей минуло одиннадцать лѣтъ, умеръ ея отецъ, и мачеха раздала дѣтей, кого по пансіонамъ, кого по институтамъ.

Мать моя и младшая ея сестра, Вѣра, были отданы въ Смольный. Не добромъ вспоминала она о своемъ пребываніи тамъ. Сухое обращеніе съ дѣвцами, плохіе методы преподаванія, дурная пища, стадное отношеніе, не принимающее въ соображеніе личныхъ свойствъ воспитанницъ — вотъ какія впечатлѣнія вынесла она. Ея самостоятельный характеръ сильно страдалъ, она ушла въ себя, никому не открывалась, ни съ кѣмъ не сходилась и осталась чужда классу, исключая одной подруги, дочери французскаго эмигранта, съ которой крѣпко подружилась; эта дружба продолжалась всю жизнь, безъ размолвокъ, безъ недоразумѣній, и кончилась только смертью. Послѣ окончанія курса мать моя была взята одной изъ замужнихъ сестеръ, у которой ей жилось привольно. Но семейный совѣтъ, состоявшій изъ тетки и двухъ старшихъ сестеръ (мачеха окончательно отказалась отъ своихъ падчерицъ и пасынковъ), рѣшилъ, что ей будетъ полезнѣе перейти въ болѣе „систематическія“ руки и, не спрося ея согласія, ее взяли отъ сестры. До старости не могла моя мать простить имъ этого произвола.

Насколько принятые авторитеты уважались безусловно въ то время, видно изъ отношенія взрослыхъ дѣтей къ своей мачехѣ, выказавшей относительно ихъ такую черствость и безсердечность. До конца ея жизни онѣ выказывали ей внѣшній почетъ, называли ее *таман*, ѣздили и возили своихъ дѣтей поздравлять ее въ день именинъ. Тетка, взявшая ее къ себѣ, повезла ее съ двумя сестрами, Екатериной и Вѣрой, въ Дрезденъ, гдѣ провели онѣ полтора года. Много новыхъ впечатлѣній вынесла моя мать изъ этого времени, хотя и очень страдала она тоской по родинѣ. Она брала уроки жи-

вописи и посѣщала чудную галерею. Сестры ея занимались музыкой. Мелкій деспотизмъ тетки нѣсколько отравлялъ ей жизнь, но все же ея кругозоръ очень расширился, и она съ удовольствіемъ вспоминала это время.

По возвращеніи въ Россію, всѣ три сестры поселились самостоятельно, подъ покровительствомъ старшаго, женатаго, брата, который, получивъ въ это время огромное наслѣдство, выступилъ впервые патріархомъ семьи, — роль, которую достойно выполнялъ до конца своей жизни. Онъ отдѣлялъ сестрамъ маленькую квартиру въ верхнемъ этажѣ своего дома. Тамъ онѣ могли принимать своихъ гостей, заниматься каждая своимъ любимымъ искусствомъ, брать уроки, однимъ словомъ—онѣ были полными хозяйками. Внизъ онѣ приходили обѣдать, съ невѣсткой выѣзжали въ свѣтъ и дѣлили съ ней обязанности хозяйекъ дома, когда у ней были гости. Чрезвычайно деликатная, эта невѣстка всячески старалась способствовать пріятности ихъ жизни и имѣла только одну слабость — желаніе выдать ихъ замужъ. Но никто изъ трехъ не отзывался на ея планы; имъ милѣй всего была ихъ волюшка и жилось такъ весело и хорошо, что женихи и на умъ не шли.

Интересное явленіе, рѣдкое въ то время, представляли эти три дѣвицы. Тогда вся жизнь молодыхъ дѣвушекъ заключалась въ выѣздахъ или усовершенствованіи „dans l'art de plaire“, чтобы показать себя и выбрать жениха. А онѣ шли своею дорогою, увлекались своими интересами, ничуть не смущаясь общими обычаями.

Братья приходили къ нимъ въ гости, проводили у нихъ вечера, принося имъ новинки изъ литературы, устраивали общія чтенія, во время которыхъ моя мать занималась живописью или красивыми работами — вышиваніемъ, вязаніемъ шерстяныхъ одѣялъ и фуфаякъ. Практическая сторона жизни вовсе не касалась ихъ — и такъ и осталась имъ чуждой навсегда.

Средства ихъ были очень неравномѣрно распредѣлены. Каждая изъ нихъ получила отъ отца въ наслѣдство имѣніе въ Новгородской губерніи. Управлялъ ими одинъ изъ братьевъ. Но братья, какъ и онѣ, не отличались практическимъ смысломъ и довольствовались тѣмъ, что получали отчеты управляющихъ и передавали полученные доходы сестрамъ. Иногда денегъ было много, и тогда сестры жили роскошно (по-своему), покупали картины, книги, дѣлали всѣмъ подарки, къ чему имѣли всѣ три большое пристрастіе.

Но бывали и времена скудости; управляющіе извѣщали о неурожаяхъ, о бѣдствіяхъ, которые принимались на-слово. Тогда не было достаточно денегъ, чтобы купить себѣ теплыхъ перчатокъ, и сестры жалась и экономничали. Эта неравномѣрная и необдуман-

ная трата денегъ навсегда осталась отличительной общей чертой всѣхъ трехъ сестеръ и моей матери въ особенности. Она умѣла въ тяжелыя времена отказывать себѣ во всемъ, не жалуясь, даже удивительно мало страдая отъ недостатка, но когда наступало время прилива, она тратила много, непронизводительно, но преимущественно удѣляя другимъ отъ своего достатка. Сама на себя тратила немного. Туалетомъ не дорожила, красоту свою ни во что не ставила и впечатлѣніемъ своимъ на людей пренебрегала. Подруга моей матери говаривала про нее: „Le necessaire est du luxe pour elle, mais le luxe lui est necessaire“.

Однажды, лѣтомъ, она съ сестрой Екатериной (въ то время Вѣра уже была замужемъ) и двумя братьями сдѣлала путешествіе въ свое имѣніе. Тутъ проснулась ея любовь къ деревнѣ, зародившаяся въ дѣтствѣ и на время затухшая. Она стала принимать живѣйшее участіе въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ ея брата. Всѣ они восхищались красотой мѣстоположенія, живописными холмами и озерами этой мѣстности. Было положено основаніе красивому барскому дому, въ которомъ суждено было ей впослѣдствіи воспитывать своихъ дѣтей. Разбитъ былъ планъ громаднаго сада и березовой рощи, окружающей его и понынѣ.

Къ этому же времени относится и поѣздка моей матери за границу. Старшій братъ ея долженъ былъ сопровождать одну великокняжескую чету въ ея путешествіи по Италіи. Его жена ѣхала съ нимъ; поѣхала и моя мать.

Ѣхали они не по-нынѣшнему—въ своихъ каретахъ, перемѣняя лошадей, таща съ собою прислугу и громадный багажъ. Но зато имѣлось гораздо болѣе досуга и возможности изучать мѣстность. Самыя интересныя воспоминанія моя мать сохранила о Венеціи, Римѣ и Неаполѣ. Художественная натура ея получила тутъ богатую пищу; но, самобытная и не поддающаяся чужому вліянію, она еще больше вынесла изъ итальянской природы, чѣмъ изъ галлерей, которыя она обязательно посѣщала съ невѣсткой. Она любила рассказывать намъ о дивныхъ мраморныхъ дворцахъ Венеціи, о развалинахъ древняго Рима и о его великолѣпномъ храмѣ. Она привезла оттуда цѣлую коллекцію гравюръ; вѣдь, тогда еще не существовала фотографія, которая такъ дешево и разнообразно знакомитъ насъ теперь съ невиданными мѣстностями. Но на первомъ планѣ запечатлѣлись въ ея памяти: южное небо и море, грозный Везувій, краски итальянскаго пейзажа, нѣжныя и все-таки яркія и теплыя.

Придворная жизнь не привлекла ее, и когда ей было предложено остаться при дворѣ, она отклонила предложеніе. „Мнѣ милѣй

всего моя волюшка“, сказала она словами пѣсни. Возвратясь въ Россію, она опять усердно взялась за живопись. Дядя мой былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса, а черезъ нѣскольколѣтъ—воспитателемъ Великихъ Князей. Онъ далъ для своихъ воспитанниковъ рядъ блестящихъ вечеровъ, на которыхъ бывала и моя мать, помогая хозяйкѣ дома занимать гостей. Но блескъ и роскошь свѣта не привлекали ее. Она берегла свои силы на другое поприще.

Замужъ она вышла, очень ужъ не молодая, за человѣка гораздо моложе себя, больного, обреченнаго врачами на короткую жизнь. Вся сила самоотверженной любви, скрывавшаяся въ этой богатой натурѣ, вышла наружу при этомъ случаѣ и нашла себѣ достойное поле дѣйствія. Здоровая, красивая, полная жизненныхъ силъ, она вся отдалась уходу за больнымъ мужемъ, который, благодаря своему счастью, еще на нѣкоторое время востепенулся, оправился и ожилъ.

Отецъ мой служилъ въ судебной палатѣ и былъ юристомъ до мозга костей. Воспитаніе свое онъ получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Воспитанники первыхъ выпусковъ носили на себѣ особую печать восторженнаго патріотизма и горячей любви къ своему дѣлу. Они собирались между собою, поддерживали другъ друга въ благородныхъ стремленіяхъ. Они почитали себя носителями правды, защитниками добра и вѣрили въ свое священное призваніе. Интересно читать теперь переписку моего отца со своими товарищами. Теперь семнадцатилѣтній юноша стыдится проявить какое-либо теплое чувство, любовь къ родинѣ, къ другу, къ семьѣ.

Тогдашнія письма kloчуютъ горячимъ чувствомъ, сердечныя изліянія правовѣдовъ такъ дѣтски-непосредственны и трогательны.

Мать моя принимала живѣйшее участіе въ ихъ собраніяхъ и интересахъ, не только какъ любезная хозяйка дома, но какъ умная женщина, какъ вѣрный товарищъ восторженныхъ идеаловъ своего мужа.

Лѣтніе вакалы родители мои проводили въ любимой деревнѣ моей матери, которую и отецъ мой страстно любилъ. Имѣя много пракческаго смысла, онъ принялся за управленіе запущеннаго имѣнія и въ короткое время сдѣлалъ много дѣльныхъ распоряженій, напр. запретилъ безсмысленную рубку лѣсовъ подъ лядины (по-новгородски новины), завелъ хорошій скотъ, выписалъ швейцарца-сыровара. И о крестьянахъ онъ позаботился. Онъ устроилъ въ усадьбѣ школу для крестьянскихъ дѣтей. Родители это не цѣнили и даже слегка противились. Брали мальчиковъ и дѣвочекъ изъ большихъ семей и только послѣ окончанія полевыхъ работъ. Тѣмъ не менѣе

матери плакали о нихъ, какъ о рекрутахъ, и всячески старались отторговать ихъ. Дѣти изъ дальнихъ деревень жили въ дворовой избѣ, брали съ собою изъ дому хлѣбъ, приварокъ же получали даромъ и, конечно, даромъ тоже книги и учебныя пособія. Когда объявлено было освобожденіе крестьянъ, первымъ дѣломъ ихъ была просьба, чтобы тотчасъ же, не откладывая, отмѣнено было обязательное обученіе. Съ неудовольствіемъ тоже принимали они распоряженіе отца моего объ отдачѣ въ ученіе мастерамъ нѣкоторыхъ мальчиковъ.

Они смотрѣли на подрастающихъ дѣтей, какъ на рабочую силу, которой они хотѣли пользоваться тотчасъ, для себя, не принимая въ соображеніе будущаго. Тѣ, которые еще не кончили ученія, были взяты обратно. На мою память было съ того времени—одинъ горшечникъ, одинъ шорникъ, одинъ кузнецъ, одинъ столяръ. Грамотныхъ же тоже помню не много, человѣкъ десять.

Какая разница съ настоящимъ временемъ! Теперь крестьяне нашей деревни, не имѣя еще земской школы, нанимаютъ на свои средства странствующаго педагога и обучаютъ своихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которые рвутся, чтобы поступить въ школу. Но не долго длилась полезная дѣятельность моего отца.

Въ 1858 году онъ безнадежно заболѣлъ, потомъ ослѣпъ, и мать моя повезла его за границу, гдѣ она два года ходила за нимъ съ величайшей преданностью, и откуда она привезла его умирающимъ.

Мое дѣтство.

Послѣ смерти отца моего, обѣ семьи приняли сердечное участіе во вдовствѣ моей матери. Братья и сестры моего отца высоко цѣнили самоотверженіе, съ которымъ она ходила за больнымъ. Всѣ старались облегчить ей ея одинокое положеніе.

Одинъ изъ деверей предложилъ ей переѣхать къ нему. Также ея старшій братъ пригласилъ ее поселиться въ его домѣ, другой ея братъ желалъ усыновить одну изъ ея дочерей.

Но самостоятельность моей матери взяла верхъ надъ ея любовью къ родственникамъ, и она приняла смѣлое рѣшеніе уѣхать съ нами на постоянное житъе въ деревню, для того, чтобы безпрепятственно отдаться нашему воспитанію внѣ всякаго посторонняго вліянія.

При ея общительности, при ея привычкѣ къ обществу и къ комфорту, можно только удивляться этому рѣшенію, и еще больше удивляться тому постоянству, съ которымъ она осталась при немъ,

съ ними обращаться, ни ихъ поправлять, не говоря уже о неподготовленности почвы (массы камней, мѣшающихъ работѣ машинъ) и о глубокомъ предубѣжденіи невѣжественныхъ работниковъ и служащихъ противъ каждаго новшества. Управляющій былъ совершенно не на высотѣ такого затруднительнаго положенія. И, правду сказать, въ то время общее мнѣніе было таково, что сельское хозяйство не требовало ни знаній, ни способностей, и шли въ управляющіе только недоучки и неудачники. При такихъ обстоятельствахъ не трудно понять, что денежные дѣла моей матери пошли очень плохо. Тутъ-то проявила она всю величину своего духа. Несмотря на тяжкое свое положеніе, тѣмъ болѣе тяжкое, что по своей непрактичности она вовсе не была способна распутаться въ этомъ лабиринтѣ, она бодро несла бремя жизни. Представьте себѣ эту женщину, всю жизнь свою проведенную въ образованномъ кругу, безъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, въ богатомъ домѣ брата; представьте ее себѣ въ обществѣ двухъ маленькихъ дѣвочекъ, среди совершенно темнаго люда, среди массы лишеній и неудобствъ! Только неизсякаемый ея идеализмъ помогъ ей перенести тяжесть этого переходнаго времени. Она страстно увлекалась великой реформой и личныя затрудненія почитала за ничто подлѣ великаго дѣла воспитанія въ народѣ чувства свободы и самоотвѣтственности. Со всѣмъ, свойственнымъ ей, энтузіазмомъ она слѣдила за совершающимся переворотомъ, почитая за счастье, когда могла хотя бы мелочью какою-нибудь способствовать успѣху общаго дѣла. Она принимала у себя первыхъ земскихъ дѣятелей, знакомилась съ ними, переписывалась съ ними, воодушевляла ихъ къ ихъ великой задачѣ. Правду сказать, мало было людей, подготовленныхъ къ новой дѣятельности.

Молодежь увлекалась смутными филантропическими идеалами. Любовь и восхищеніе „русскимъ мужикомъ“ принимали своеобразныя формы, часто смѣшныя и бессмысленныя. Одѣвались въ національные костюмы: русскія рубашки, поддевки, сарафаны; употребляли въ рѣчи простонародные обороты; *шли въ народъ*. Сами крестьяне нѣсколько презрительно относились къ такому заискиванію, своимъ вѣрнымъ, здоровымъ чутьемъ чувствуя фальшь. Въ-мѣсто того, чтобы свои знанія употреблять для развитія темныхъ людей, старались уподобиться имъ и идеализировали эту тьму.

Другіе удовольствовались дутыми фразами и, въ сущности, стремились только къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Никто не былъ практически подготовленъ разобратся въ массѣ мелкихъ затрудненій, недомолвокъ, созданныхъ новымъ положеніемъ, не всегда легкомъ и для самихъ крестьянъ, непривычныхъ распоряжаться своимъ временемъ и своими силами.

Отношенія съ нашими бывшими крѣпостными остались самыя хорошія. Отовсюду приходили за помощью, за совѣтомъ. Всегда готовая помочь или принять участіе, мать моя задавалась широкими планами воспитать окружающую темноту. Она не жалѣла ни времени, ни денегъ, хотя ихъ было и очень мало, чтобы просвѣщать своихъ крестьянъ. Она доставала имъ тонкорунныхъ овецъ для развода, покупала кразы и прялки, учила дѣвушекъ прядь на нихъ, вмѣсто того, чтобы, по старинному способу, прядь на самопряхахъ; она раздавала имъ огородныя сѣмена, кусты ягодъ, учила прививать яблони.

Жаль, что недостатокъ практическаго смысла много умалялъ пользу ея уроковъ. Много положено горячей любви и самоотверженнаго труда въ ея дѣятельность въ деревнѣ, но многое осталось непонятымъ и неиспользованнымъ именно по этой причинѣ. Къ бѣднымъ и больнымъ имѣла она особенную заботу. Помню, по воскресеньямъ мы, дѣвочки, съ нею вмѣстѣ шили и вязали разные платьица и платочки для бѣдныхъ. Она любила сама посѣщать больныхъ и была неутомима въ уходѣ за страждущими. Медицина ее очень интересовала; она любила спрашивать, при случаѣ, врачей и даже переписывалась съ нѣкоторыми изъ нихъ, выписывала лечебники, лекарства и дѣятельно занималась составленіемъ настоекъ и порошковъ. Много было и странныхъ „домашнихъ“ средствъ въ ея аптекѣ. Отъ горловой боли наматывали девять красныхъ шерстинокъ вокругъ горла. Для ранъ настаивали на деревянномъ маслѣ звѣробой; отъ водянки давали сушеные листочки морошки; собирали и сушили землянику, липовый цвѣтъ; отъ золотухи варили варенье изъ калины, заставляли пить морковный сокъ и отваръ изъ молодой крапивы. Врачъ былъ за 25 верстъ, да и немногимъ больше, чѣмъ она, понималъ онъ свое дѣло, предпочитая сидѣть за карточнымъ столомъ за стаканомъ чая, чѣмъ трястись по ухабамъ и лазать по душнымъ, грязнымъ избамъ; а она пылала желаніемъ облегчить страданія бѣдняковъ. И приходили, и прѣзжали къ ней бабы за тридцать верстъ. Иногда ея леченія бывали очень оригинальны, и не знаю, чему приписать ихъ успѣхъ. Помню, у насъ заболѣла судомойка нервной горячкой, какъ говорила мать. Больная третью недѣлю лежала съ запекшимися губами и закрытыми глазами и даже перестала просить пить. Пузырь со льдомъ лежалъ на ея головѣ; она больше не говорила и ни на что не обращала вниманіе. Прислала намъ тетушка изъ Петербурга чудныхъ грушъ и яблоковъ. Мама очистила ломтикъ сочной груши и поднесла къ губамъ умирающей. Она немного открыла глаза и потянула губами ломтикъ. Подождавши, мама всунула ей опять

ломтикъ въ ротъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Такъ она скормила всю грушу. На слѣдующій день — то же. На третій день больная уже поглядѣла на грушу.

Мать отобрала у насъ всѣ присланные фрукты и начала ежедневно кормить больную, которая, видимо, стала поправляться. Когда она съѣла весь имѣющійся у насъ запасъ, мать послала по деревнямъ искать яблоковъ; годъ былъ неурожайный, и во всей мѣстности не было ихъ. Верховой объѣздила окрестности и наконецъ гдѣ-то достала кислыхъ туземныхъ яблоковъ. Неприхотливая больная удовольствовалась ими и питалась яблоками до своего полного выздоровленія.

Другой разъ свирѣпствовалъ по деревнямъ возвратный тифъ; цѣлыя семьи лежали, некому было печь затопить, некому подать пить больнымъ, томящимся жаждой.

Мать сама, взявъ насъ, подростковъ, на помощь, обходила избы. Въ передникъ она насыпала клюквы, по карманамъ разложила чаю и сахару—и больные, ободренные ея теплымъ участіемъ, подкрѣпленные рѣдкимъ въ то время напиткомъ, поправлялись и твердо вѣрили въ ея врачебное искусство. Во всякомъ случаѣ, въ нашей деревнѣ не умерло ни одного человѣка, и это приписывали ей.

Домашнимъ хозяйствомъ мать моя не любила заниматься, развѣ только заправляла лѣтомъ варкой варенья. Вся практическая часть дѣла лежала на моей нянѣ, старушкѣ-нѣжкѣ, Минѣ Ивановнѣ, которая выдавала провизію, слѣдила за людьми, шила и вязала на насъ. А это было не маловажное дѣло, такъ какъ въ то время не существовало ни швейныхъ, ни вязальныхъ машинъ. Мать же моя никогда не могла выучиться шить и вязать чулки, хотя умѣла красиво вышивать и вязала крючкомъ всевозможныя кружева, юбки и одѣяла. Но никогда ей не удавалось произвести два равные рукава или чулка. Таково было тогдашнее воспитаніе.

Очень страдала она отъ одиночества и впоследствии разсказывала намъ, какое иногда нападало на нее уныніе. На недостатокъ денегъ и на лишнія роскоши она мало обращала вниманія, такъ что и въ разсказахъ вовсе не упоминала о нихъ. Насъ, дѣтей, она любила страстно, неустанно ухаживала за нами, когда мы были больны, сама проводила около насъ ночи и не довѣряла насъ никому. Никогда она не могла рѣшиться отдать насъ въ школу или институтъ. Гувернантки не жили у насъ подолгу: имъ было слишкомъ скучно и одиноко и, можетъ быть, мать не умѣла втянуть въ семейную жизнь чужую личность. Нѣкоторые уроки она давала сама, даже для себя выписала русскую грамматику и сама готовилась къ урокамъ. Учила насъ тоже по-французски, рисованію и читала съ нами различныя историческія книги.

Мы ее очень любили и благоговѣли передъ нею, но порядочно побаивались, такъ какъ при своей огромной живости она была нетерпѣлива и рѣзка. При своемъ чистомъ идеализмѣ, любви къ правдѣ и чуткости ко всему, она была способна разбудить въ молодомъ сердцѣ любовь къ добру, воодушевить его ко всему возвышенному; но спокойная, терпѣливая работа, путемъ добрыхъ привычекъ достигающая гармоничнаго развитія характера — была не въ ея натурѣ.

Утѣху ей въ это тяжелое переходное время составлялъ любимый ею садъ. Не имѣя болѣе средствъ держать садовника, она сама руководила работами, любила прикладывать свой трудъ къ дѣлу: сама поливала, полола, пересаживала, прививала. Ея трудами разрослся цѣлый питомникъ молодыхъ дубковъ, выведенныхъ ею изъ желудей, цѣлая группа красивыхъ, молодыхъ ясеней, кленовъ, кедровъ и пихтъ. Передъ домомъ была ея любимая грядка съ альпійскими луковичками, подснежниками, сириса, крокусами, гиацинтами. Далѣе грядка съ бѣлыми лиліями и огромная куртина розъ. Въ сторонѣ былъ фруктовый садъ, который и теперь, у внуковъ, называется: бабушкинъ садъ. Она страстно любила возиться въ своихъ яблоняхъ и часто говаривала: „Когда я попаду къ Господу Богу, Онъ, навѣрное, сдѣлаетъ меня Своимъ садовникомъ“. Много и тутъ испытала она разочарованій. Суровый климатъ вредилъ ея посадкамъ; воры, гусеницы, жуки портили ея труды. Помню я одну жестокую зиму, послѣ которой вымерзли всѣ ея яблони. Она очень о нихъ горевала, но ея энергія вскорѣ пробудилась вновь, и изъ послѣднихъ средствъ были выписаны новыя деревья, и сама она привила нѣсколько дичковъ, и опять заполнились опустѣвшіе ряды.

Большое наслажденіе доставляла ей красота окрестныхъ мѣстъ. Въ лѣтніе, хорошіе дни запрягали намъ телѣжку; мы брали съ собою бутерброды; кто-нибудь изъ насъ садился за кучера на козлы, и мы отправлялись на далекую поѣздку; гдѣ-нибудь около озера, на холмѣ, на лужайкѣ, у опушки лѣса или на крутомъ берегу рѣчки мы вылѣзали, садились на траву и любовались видомъ, а мать вынимала карандаши или политуру и старалась воспроизвести краски и группы зелени. Хаживали мы съ ней и за ландышами, и за ночными фіалками, и за ягодами, и за грибами, которыхъ было множество въ нашихъ лѣсахъ.

Бывало, отошлемъ кучера домой, велимъ ему вернуться часа черезъ три-четыре въ условленное мѣсто, а сами пойдемъ по кустамъ, вдоль дороги. Всякое дерево, всякая тропинка намъ знакомы; у каждой свои примѣченныя мѣста, которыя сохраняешь втайнѣ. Наполнятся корзины, высыплешь ихъ около дороги и опять углуб-

ляешься въ лѣсъ. Усталыя, наконецъ, сойдемся и сядемъ на пригоркѣ въ ожиданіи возвращенія кучера. Вотъ застучали знакомымъ шумомъ колеса; откликнешься, подъѣдетъ кучеръ, насыплешь въ телѣжку грибы и ѣдешь домой, вылѣзая на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ спрятаны грибы. Приѣхавъ домой, вывалишь грибы на балконъ, и начнешь ихъ разбирать и сортировать: которые на маринованіе, которые на сушку, которые прямо на сковороду. И какъ было весело переговариваться, вспоминать, кто какой грибъ нашелъ, и гдѣ онъ стоялъ, и какъ былъ найденъ. Мать моя всецѣло принимала живѣйшее участіе въ этомъ занятіи.

Изрѣдка намъ приходилось ѣздить въ нашъ уѣздный городъ, отстоявшій отъ нашего имѣнія на 25 верстъ.

Это былъ очень незначительный городишко, лежащій вдоль шоссе, соединяющаго Петербургъ съ Москвою.

Нѣкогда это былъ пунктъ остановки для отдыха путешественниковъ и мѣсто жительства множества ямщиковъ и кузнецовъ. Въ то время, когда я его помню, онъ потерялъ свое прежнее значеніе, благодаря проведенной изъ столицы въ столицу желѣзной дороги и представлялъ изъ себя только центръ пробуждающейся земской дѣятельности. Тутъ собиралось Уѣздное Земское Собраніе, тутъ работала Земская Управа и жило семь-восемь семействъ служащихъ разныхъ вѣдомствъ: судья, врачъ, исправникъ, воинскій начальникъ и пр.

Хотя мы знали ихъ и изрѣдка они посѣщали насъ при проѣздѣ въ уѣздъ, но мы очень рѣдко бывали у нихъ. Дамское общество было особенно неинтересно. Общимъ интересомъ всего общества являлись почти исключительно карты: дамы занимались кромѣ того туалетами и сплетнями. До всего этого мать моя была не охотница, и поэтому ей было жутко въ уѣздной атмосферѣ. И для насъ она считала нежелательнымъ общество молодежи, въ которое входили безъ выбора между прочимъ дочки совершенно необразованныхъ купцовъ, которыхъ цивилизація коснулась только съ внѣшней стороны, и ухарскіе молодые купчики, имѣвшіе очень развязныя манеры и очень мало образованія.

Расположенъ этотъ городокъ былъ чрезвычайно живописно, по склонамъ нѣсколькихъ холмовъ, на берегу огромнаго озера. Посреди озера, на трехъ островахъ, стоитъ старинный монастырь, окруженный чуднымъ сосновымъ лѣсомъ. Однажды мать ѣздила съ нами туда говѣть. Ясно помню жаркій лѣтній день въ Успенскомъ посту. Съ нами была еще старая родственница и ея воспитанникъ, мальчикъ лѣтъ 11-ти. Мы переѣхали на паромѣ.

Такъ какъ въ монастырѣ не полагалось останавливаться жен-

щинамъ, намъ отвели двѣ комнатки въ наружной, каменной стѣнѣ, окаймляющей монастырь. Цѣлый день мы, дѣти, играли въ песокъ. подъ громадными соснами; мысли наши вовсе не были заняты молитвой, которой предавались старшія; мы довольно неохотно отстаивали утомительно-длинные монастырскія службы; ужъ очень хорошо было сидѣть на берегу и слушать мѣрный плескъ волнъ. Послушникъ два раза на день приносилъ намъ въ судкахъ монастырской пищи, гороху съ постнымъ масломъ, щей, каши, и два раза въ день ставилъ намъ самоваръ. У насъ было взято съ собою постельное бѣлье, подушки, одѣяла. Единственная кровать, представленная намъ, была такой сомнительной чистоты, что мы постелили себѣ одѣяла на полу и спали на нихъ одѣтыя. Были взяты съ собою и нѣкоторые съѣстные припасы, какъ-то чай, огурцы, баранки. Мы сами убрали нашу не очень опрятную клѣтушку, въ которой, кромѣ кровати, былъ столъ и три лавки, съ очень шаткими ножками. Эта цыганская жизнь ужасно забавляла насъ, и мы очень весело провели три дня въ этой необычайной обстановкѣ.

Но въ городъ насъ не тянуло: мы любия деревню свою, свой садъ, своихъ лошадей, которыя при насъ росли и которыхъ мы сами объѣзжали. Хорошо намъ было посреди простодушныхъ сосѣдей-мужиковъ, которыхъ нужды и горести намъ были близки и понятны.

Крестьяне нашей мѣстности принадлежали къ финскому племени кареловъ, вынѣ почти совершенно обрусѣвшему, благодаря школамъ и общенію съ внѣшнимъ міромъ. Не то было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; многія бабы и дѣти совсѣмъ не говорили по-русски; грамотныхъ почти не было; только нѣсколько бывшихъ учениковъ школы моего отца едва-едва умѣли подписать свое имя. Случись бѣда—болѣзнь, пожаръ, судъ, никто не умѣлъ постоять за себя, никто не зналъ, гдѣ искать помощи. Вялые и безпомощные, крестьяне переносили постигающія ихъ несчастія съ тупымъ равнодушіемъ. Бѣдность и темнота были ужасающи и безысходны. Земля сама по себѣ плодородна и давала бы довольно хлѣба, если бы умъ и руки приложить. Но обрабатывали ее черезчуръ плохо: удобренія почти не было, такъ какъ скота держали очень мало, несмотря на роскошныя пастбища. Народъ питался почти исключительно хлѣбомъ и капустой, по праздникамъ кашей. Картофель почитался лакомствомъ. Рассказываютъ, какъ однажды мать плакала при разставаніи съ дочерью, вышедшей замужъ въ дальнюю деревню. „Не плачь, мама, сказала ей дочь, мнѣ будетъ хорошо, вѣдь тамъ много картошки“. Мясо ѣли только достаточные, убивая въ годъ четырехъ или пять ягнятъ. Чай и пшеничная мука были доступны только

богачамъ, и то въ праздникъ. Во всей деревнѣ насчитывалось 2—3 самовара. Молока хватало только для маленькихъ, да немного масла и творогу къ празднику набирали.

Одѣвались тоже скудно, въ домотканная полотна и крашенину, выкрашенный въ синій цвѣтъ холстъ, употребляемый равно на мужскія рубахи, какъ на женскіе сарафаны; кафтаны дѣлались изъ домотканнаго сукна сѣраго или коричневаго цвѣта грубой шерсти своихъ овецъ. Обувались зимою въ валенки собственнаго издѣлья, лѣтомъ въ лапти, и только богачи имѣли сапоги, а женщины башмаки. Полсапожки и ситцевыя кофты введены были позже, когда стали ходить на заработки въ Петербургъ дѣвушки и молодухи. Заработать дома было негдѣ.

Имѣнія стояли пустыми, владѣльцы большею частью жили по городамъ, служили или проживали свои доходы посреди болѣе цивилизованной обстановки. А немногія исключенія были разорившіеся, мало трудоспособные экземпляры помѣщиковъ, отъ которыхъ ни помощи, ни примѣра ожидать было нельзя. Вотъ и хватались они за руку помощи, которую имъ подавалъ добрый человѣкъ, безсознательно, не разсуждая, откуда и почему.

Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ. Домашнія ткани носятъ развѣ только древнія старухи. Ситцевыя и шерстяныя платья шьютъ „по модѣ“ въ талью. Утромъ во всякомъ домѣ на столѣ стоитъ самоваръ, и дѣвицы говорятъ „мирсы“ вмѣсто спасибо.

Парни одѣваются въ „пинжаки“ и уѣзжаютъ въ столицу добывать денегъ, приносятъ оттуда городскіе нравы и большія потребности. Счастливѣе ли они стали?

(Продолженіе слѣдуетъ).

